

сто-художественной, эстетической, то нельзя не найти здесь любопытные и полные вкуса образцы такой игры линий, такой мастерской распорядительности съ самимъ узоромъ и съ промежуточными его фонами, которые свидѣтельствуютъ объ очень значительномъ художественномъ чутьѣ и опытности, и должны оказаться драгоценнымъ руководствомъ и совѣтомъ современному нашему художнику, когда онъ пожелаетъ творить въ области и въ характерѣ національнаго искусства. Нельзя безъ особеннаго интереса не слѣдить шагъ-за-шагомъ, по узорамъ полотенца, простыни или головного убора, за тѣмъ, какъ первые сочинители узора ставили всегда—это очевидно—напередъ главную, среднюю фигуру, или же, гдѣ того требовала задача или сюжетъ, главный рядъ фигуръ, а потомъ уже наполняли всѣ оставшіеся промежутки тщательно выбранными формами, имѣвшими второстепенную важность въ религиозномъ или художественномъ отношеніи, но близко относившимися къ главному сюжету, и въ техническомъ отношеніи мастерски и расчетливо соответствовавшими данному пространству. При этомъ, гармоническій эквилибръ и постоянное соответствіе между цвѣтными пространствами, занятыми шитьемъ и бѣлыми полосками холста, оставшимися пустыми—истинно изумительны, и не можетъ не остановитъ на себѣ всего вниманія художника: чѣмъ болѣе у него вкуса, чѣмъ у него глазъ образованнѣе—тѣмъ болѣе онъ будетъ сознавать примѣчательныя качества древнихъ нашихъ вышивокъ.

Но кромѣ этой, покуда еще внѣшней, стороны изящества и интереса для глаза, русское шитье представляетъ много другихъ еще любопытныхъ и важныхъ элементовъ. Здесь лежатъ драгоценныя и, покуда, еще нетронутыя матеріалы для изученія разныхъ сторонъ древне-русской національности вообще, и именно на это мы и считаемъ необходимымъ указать въ краткихъ чертахъ.

Настоящее изданіе не имѣло возможности представить все, что заключаютъ важнаго или любопытнаго русскія вышивки—матеріалъ слишкомъ огроменъ—но даже и собранные здѣсь образцы содержатъ немало значительныхъ фактовъ.

И, во-первыхъ, они доказываютъ, что орнаментистика эта распространена по всѣмъ областямъ собственной Великороссіи (Малороссія, или южная Россія, имѣетъ свою систему узоровъ, иногда родственную съ великорусскою, но въ большинствѣ случаевъ отличную отъ нея, и скорѣе схожую съ орнаментистикой юго-западныхъ славянъ, болгаръ, сербовъ и т. д.). Мы представляемъ образцы орнаментистикъ изъ **сѣвернаго** края: губерній Новгородской, Псковской, Тверской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской, С.-Петербургской; изъ **восточнаго** края: губерній Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Воронежской, Саратовской; изъ **западнаго** края: губерній Смоленской, Витебской, Гродненской; наконецъ изъ **центральныхъ** нашихъ губерній: Московской, Орловской, Тульской.—Объ особенностяхъ орнаментистики бѣлаго края мы будемъ говорить ниже.

Предметы, на которыхъ находятся вышитыя народныя узоры, постоянно одни и тѣ же во всѣхъ разнообразныхъ, только что перечисленныхъ намъ, русскихъ мѣстностяхъ. Самое главное мѣсто между этими предметами, по обще-распространенности и громадному повсемѣстному употребленію, занимаютъ—**полотенца**. Назначеніе ихъ довольно разнообразно. Такъ, наприм., они служатъ для украшенія избъ по праздникамъ, и тутъ, развѣшенные рядами на веревочкахъ, тянущихся по стѣнамъ, являются чѣмъ-то въ родѣ наивной, первобытной *картинной галереи* русскаго крестьянина, навѣрное болѣе древней чѣмъ наклеенныя на стѣнахъ раскрашенныя «лубочныя картинки»; въ этой же избѣ они навѣшиваются, опять-таки для украшенія, вѣкругъ крестьянскаго зеркала, шкафа съ посу-

point de vue purement esthétique, il serait difficile de ne point trouver ici des échantillons pleins de goût et d'intérêt, des échantillons remplis d'un jeu de lignes et de combinaisons savantes entre le corps même de la broderie—et les fonds, qui témoignent d'un sentiment artistique et d'une dextérité considérables, et qui ne peuvent manquer de guider notre artiste contemporain, lorsqu'il se donnera la tâche de travailler suivant la caractère et dans le domaine de l'art national. Il est impossible de ne pas suivre, pas-à-pas, avec l'intérêt le plus vif, sur les ornements d'un essuie-main, d'un drap-de-lit ou d'une coiffure, la méthode employée par les premiers créateurs d'un dessin. Ils plaçaient d'abord—ceci est absolument apparent—la figure la plus importante, celle du centre, ou bien, là où telle était la donnée et le sujet, la principale suite ou rangée de figures, et, pour remplir ensuite les interstices restés libres, ils intercalaient des formes choisies avec précision, des formes n'ayant qu'une signification secondaire sous le rapport religieux ou artistique, mais touchant de près au sujet principal, et s'adaptant d'une manière merveilleuse à la surface donnée. Et c'est ici que l'équilibre harmonieux et le rapport constant entre les espaces coloriés, remplis de broderie—et les espaces restés blancs sur la toile—est vraiment étonnant et ne peut manquer d'attirer toute l'attention de l'artiste: plus il aura de goût, plus son œil sera exercé, et plus il aura conscience des qualités remarquables de nos anciennes broderies.

Mais, en outre de ces éléments, de beauté et d'intérêt pour l'œil, qui ne sont encore qu'extérieurs, les broderies russes en offrent d'autres non moins curieux et importants. Ici se trouvent des matériaux précieux—et encore intacts—pour l'étude de l'ancienne nationalité russe en général, et c'est précisément ce point que nous croyons nécessaire d'esquisser à grands traits.

Le présent ouvrage ne saurait offrir tout ce qu'il y a d'important ou de curieux en fait de broderies russes—les matériaux étant trop abondants—mais cela même qui a trouvé ici sa place ne contient pas peu de faits remarquables.

Et d'abord, les échantillons représentés sur nos planches démontrent, que cette ornementation est répandue dans toutes les régions de la grande-Russie proprement dite (la Petite-Russie ou la Russie du Sud possède un système d'ornementation qui lui est propre, qui quelquefois a des points de contact avec l'ornementation de la Grande-Russie, mais dans la majorité des cas en est parfaitement distincte, et se rapproche plutôt de l'ornementation des slaves occidentaux du Sud, tels que Serbes, Bulgares etc.) Nous offrons des échantillons de l'ornementation de la zone **septentrionale**: gouvernements de Novgorod, de Pskoff, de Twer, d'Olonetz, de Wologda, d'Arkhangelsk, de St-Petersbourg; de la zone **orientale**: gouvernements de Wladimir, de Yaroslaff, de Kostroma, de Nijny-Novgorod, de Simbirsk, de Penza, de Woronéje, de Saratoff; de la zone **occidentale**: gouvernements de Smolensk, de Witebsk, de Grodno; enfin de la zone **centrale**: gouvernements de Moscou, d'Orel, de Toula. Quant aux particularités de l'ornementation de chaque zone, il en sera parlé plus bas.

Les objets contenant des exemples de l'ornementation nationale, sont constamment les mêmes dans les localités différentes que nous venons d'énumérer. Dans ce nombre les plus universellement répandus et les plus communément employés sont—les **essuie-mains**, dont la destination est assez variée. C'est ainsi que, par exemple, ils servent à orner l'*izba*, les jours de fête, et à cet effet on les suspend, par rangées, à des ficelles tendues le long mur: ils jouent dans ce cas le rôle d'une naïve et primitive *galerie de tableaux* du paysan russe, galerie à coup sûr plus ancienne, que les images populaires gravées et coloriées; dans la même izba, ces essuie-mains sont appendus, également en vue d'embellissement, autour du miroir et de l'armoire à vaisselle du paysan, ainsi qu'autour de ses images saintes; ensuite,